

¹² Грамоты №№ 12, 14, 16, 17, 27, 28, 65, 66, 67, 68, 94, 95, 96, 97, 98, 1, 20, 31, 32, 33, 34, 35.

¹³ *Верхотурские* грамоты конца XVI – начала XVII / Сост. Е.Н. Ошанина, Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1982. Ч. 2. С. 161–248. Остальные 22 грамоты не содержат либо даты составления (5 грамот), либо даты получения (17 грамот), поскольку часть грамот ветхи или сохранились в копиях XIX века.

¹⁴ Грамоты №№ 153, 154.

¹⁵ Грамоты №№ 101, 102, 103, 104, 105, 106, 113, 114, 115, 121, 122, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161.

¹⁶ Грамоты №№ 107, 116, 117, 118, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 162, 163.

¹⁷ Грамоты №№ 135, 164.

¹⁸ Грамоты №№ 165, 166, 167.

¹⁹ Грамоты №№ 137, 139.

²⁰ Грамоты №№ 141, 142, 143, 144, 145.

²¹ Грамоты №№ 109, 110.

²² Грамоты №№ 149, 150, 99, 100.

²³ *Соколовский И.Р.* Место Сибири в бюджете России XVII – начала XVIII в. // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2005. С. 23.

²⁴ *Вигелев А.Н.* История отечественной почты. Часть 1. М., «Связь», 1977. С. 128, 131, 138.

²⁵ *Катионов О.Н.* Московско-сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. С. 216.

²⁶ Данные взяты из письма Эндрю Гамильтона (Andrew Hamilton) «Лордам казначейства» от 26 апреля 1699 г., процитированном в: *Smith, Alfred Daniel.* The Development of Rates of Postage: an Historical and Analytical Study. N. Y., 1918. Цит. по: *Carr T., Shumate D.* The Postal Service in Colonial America. A Bibliography of Material in the Smithsonian Institution Libraries National Postal Museum Branch. Опубликовано на сайте <http://www.sil.si.edu/SILPublications/postal%2Dhistory/bibliography/> (последний раз проверялось 6 апреля 2006 г.).

²⁷ Там же.

²⁸ *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь.

²⁹ *Вигелев А.Н.* История отечественной почты. С. 124.

³⁰ Для современной бумаги плотностью 80 г/м это приблизительно сопоставимо с весом одного листа формата А4 (210x297 мм) — 4,9896 г. В настоящий момент мы не располагаем точными данными о плотности бумаги того времени. Согласно литературе бумажный мастер зачерпывал ситом «не больше 4 г бумажной массы» (*Мацюк О.Я.* Папір та філіграні на Українських землях (XVI — початок XX ст.) Київ «Наукова думка», 1974. С. 11.), при том что площадь сита была весьма значительной; так, уже готовая голландская бумага с гербом Амстердама имела размер 33 x 41,5 см. (*Laucevič E.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, «Mintis», 1967. P. 31). Приношу глубокую благо-

дарность Н.Д. Зольниковой, обратившей мое внимание на эти пособия. Если бы эти цифры были средними, и плотность бумаги равнялась бы приблизительно 30 г/м, то на один золотник можно было бы отправить около 2,3 листа формата А4. Конечно, данные вычисления дают очень приблизительное представление о реальности, однако даже такое представление важно для изучения изменений по отношению к синхронной информации.

³¹ *Вигелев А.Н.* История отечественной почты. С. 74, 120.

А. В. Дмитриев

Особенности положения сибирского драгунского полка в составе русской армии начала XVIII века

Повышение интереса к истории русской армии на протяжении последнего десятилетия нашло отражение в целом ряде коллективных трудов, а также монографий и статей, посвященных тем или иным конкретным вопросам¹. Это относится, в частности, и к освещению военных преобразований Петра I, и к завершению процесса строительства регулярной русской армии, продолжавшемуся до конца XVIII столетия. Однако и здесь существуют некоторые проблемы, до сих пор не привлекавшие к себе внимания исследователей. В частности, если положение тех соединений, что входили на протяжении указанного периода времени в состав действующей армии, уже изучалось русскими военными историками XIX в., равно как и виднейшими советскими специалистами (Л. Г. Бескровный, М. Д. Рабинович и др.)², то, например, по истории гарнизонных полков русской армии специальных работ нет до сих пор. То же самое можно отметить и применительно к армейским подразделениям, дислоцированным в XVIII в. на территории Сибири. Целью настоящей работы является освещение некоторых особенностей, присущих в начале XVIII в. Сибирскому драгунскому полку – первому из расквартированных в Сибири соединений петровской армии, равно как и первому по времени его формирования среди всех гарнизонных полков.

В упомянутом выше справочнике М. Д. Рабиновича об этом соединении дается следующая информация: «Сибирский драгунский полк полковника Давида Мейна. Сформирован в 1700 г. из поселенных драгун Тобольского уезда. В 1706 г. – полк полковника Ивана Аршиневского (Аршеневского), в 1714 г. – полковника Леонтия Парфентьева»³. Процесс формирования данного полка уже освещался нами⁴, а материалы, обнаруженные недавно в фонде Сибирского приказа в РГАДА, позволяют существенно дополнить и уточнить эти сведения. Это касается как служебного статуса и механизмов снабжения полка, так и ряда лиц, командовавших им, но не упоминавшихся в этом качестве ранее. На основании этих данных мы можем положительно ответить на вопрос:

правомерно ли относить Сибирский драгунский полк к гарнизонным войскам в составе русской армии на протяжении первой четверти XVIII в.? Рассмотрим же, какими конкретными особенностями отличалось положение интересующего нас полка.

Во-первых, правительство молодого Петра I с самого начала попыталось переложить расходы по выплате жалования сибирским драгунам на плечи местного населения. Если в Москве и других городах Европейской России, где в 1699–1702 гг. шло формирование солдатских и драгунских полков, предназначенных для отправки на театр военных действий против Швеции, содержание новобранцев и выплату им денежного жалования, как правило, брала на себя государственная казна⁵, то в Сибири дело обстояло иначе. Уже в именном указе Петра I от 22 декабря 1697 г. о формировании драгунского полка содержалось распоряжение: для выплаты положенного драгунам жалования (3 руб. в год) «збирать в Тоболску и Тоболского розряду в городех и в слободах з государевых крестьян и с посацких людей по 10 алтын, а с митрополичьих и с монастырских по полтине з двора»⁶. Таким образом, речь шла фактически о введении нового налога для крестьянского и посадского населения Тобольска, Верхотурья, Туринска, Пелыма, Тары и других сибирских городов с уездами. В грамоте тобольского воеводы кн. М. Я. Черкасского, отправленной на Верхотурье, уточнялась причина этого нововведения: «Для недостатку в Сибирском приказе... денежной казны»⁷. Для раскладки налога по дворам предлагалось использовать данные писцовых книг, составленных в свое время Л. Поскочиным, а в дальнейшем – обновленными данными И. Качанова, тогда же получившего задание составить новые описания населенных земель в границах Тобольского разряда. В случае невозможности собрать налог деньгами его требовалось взимать «холстами и овчинами и сукнами сермяжными добрыми». Впрочем, с точки зрения властей, подобная мера не должна была стать разорительной, а для уплативших искомые 10 алтын предусматривалось поощрение: «Во всяких иных поборах крестьян облегчить по разсмотрению в чем возможно»⁸. К лету 1698 г., по данным, поступившим из Тобольска в Сибирский приказ, с 11 с лишним тысяч тяглых дворов удалось собрать более 3 с половиной тысяч рублей, ушедших на первую выплату годового жалования драгунам⁹. Судя по всему, проводились подобные сборы и в последующие годы.

Участие центра в материальном снабжении Сибирского драгунского полка состояло, вероятно, лишь в ежегодной отправке из Москвы в Тобольск партий кумачей, предназначенных для раздачи рядовым драгунам. Однако и здесь власти очень быстро перестали соблюдать принятые на себя обязательства. Если в 1698 г. в Сибирь действительно была послана 1 тыс. кумачей ценой по 1 руб. каждый, то уже в 1699 г. часть присланного оценивалась в 20 алтын за штуку, а в 1700 г. вся партия

кумачей состояла из оцененных в 23 алтына 2 деньги за каждый. С 1701 г. эти поставки прекратились вовсе¹⁰. Уже в декабре 1702 г. выборные от драгун подали в приказную палату в Тобольске челобитную, прося выдать им положенное число кумачей за прошедшие два года, а впредь заменить эти выдачи прибавкой еще одного рубля к их ежегодному денежному жалованию. Однако поскольку, как выяснилось весной 1703 г., «в казне великого государя... кумачей красных нет», то было принято следующее решение, закрепленное в указе Петра I от 20 мая того же года: возместить драгунам недоданное жалование вместо кумачей китайками, а в дальнейшем заменить кумачи не деньгами, а «товарами, которые в мене будут у Ямыша озера»¹¹ (т. е. полученными в ходе торговли с джунгарами, казахами и другими обитателями степей). Но власти и здесь постарались извлечь для себя выгоду, установив каждому из драгун прибавку в размере не 1 руб., а лишь 28 алтын и 2 денег. Очередная попытка сибирских драгун добиться восстановления справедливости (в 1707 г. они снова требовали повышения им прибавочного жалования до 1 руб. ровно) успехом, по-видимому, не увенчалась. А в 1713 г. Петр I своим указом вообще отменил полагавшиеся драгунам денежные выплаты, предписав им жить «с пашенной и сенокосной земли», хотя с 1718 г. Сибирский приказ снова начал выдавать им жалование деньгами¹². Как видим, налицо попытка возвращения к широко распространенному еще в XVII в. феномену «поселенных драгун», соединения которых предназначались для охраны южных и северо-западных границ Европейской России в годы правления царя Алексея Михайловича¹³.

Другой особенностью положения сибирских драгун в начале XVIII в. был порядок назначения командиров их полка. Если в соединениях действующей армии этим вопросом ведал Приказ военных дел, во главе которого стоял Т. Н. Стрешнев, то назначения на командные должности Сибирского драгунского полка относились к прерогативам Сибирского приказа. Но поскольку первые годы XVIII столетия были отмечены частой сменой командных кадров, то не редкостью становились случаи, когда тобольский воевода кн. М. Я. Черкасский своей властью назначал временно исполняющим обязанности драгунского командира кого-либо из представителей местной служилой верхушки. Еще в ходе перевода беломестных казаков Тобольского уезда в драгуны при формировании полка их временно возглавил казачий голова Иван Текутьев¹⁴, но первым полноправным командиром сибирских драгун следует, наверное, считать полковника Давыда Яковлевича Мейна. У него была довольно интересная биография. Сын полковника-иноземца Якуба Мейна, сосланного в Тобольск еще в 60-х гг. XVII в.¹⁵, он поступил на военную службу в правление Алексея Михайловича и к 1698 г. продвинулся по служебной лестнице до звания полковника, а также получил придворный чин стольника. В этом году мы застаем его на службе в Белгороде, где он

отвечал за формирование отдельного полка из солдат Белгородского разряда. Командиром Белгородского солдатского полка, впрочем, был назначен тогда А. Н. Нелидов¹⁶, а Мейн по указу Петра I от 13 декабря 1698 г. отправился в Тобольск, чтобы принять на себя командование Сибирским драгунским полком. Годовое жалование ему было положено в размере 100 руб., по 50 четвертей ржи и овса плюс 20 пудов соли¹⁷. Помогать ему в исполнении командных обязанностей призван был тюменский сын боярский Степан Текутьев, награжденный чином драгунского полуполковника¹⁸.

За те несколько лет, что Мейн командовал сибирскими драгунами, их полк, судя по всему, окончательно обрел все признаки самостоятельной боевой единицы. Драгунские роты во главе с капитанами были распределены по местам своей постоянной дислокации, откуда ежегодно предпринимали вылазки в степь, когда возникала необходимость отогнать от границ русских владений отряды кочевников. Например, в 1701 г. подобный рейд продолжался несколько месяцев¹⁹. Новостью по сравнению с практикой XVII в. было использование в походах артиллерийских орудий, хотя присланные по указу Петра I в Тобольск тяжелые железные пушки не годились для преследования кочевников, так что Мейн предпочитал легкие медные пушки, о чем сам докладывал тобольским воеводам²⁰. Однако уже в 1702 г. полковник Д. Я. Мейн скончался²¹, и перед Сибирским приказом встал вопрос о назначении нового командира драгун. В качестве временной меры тобольский воевода кн. М. Я. Черкасский поручил командование «на время до указа» голове пеших казаков Ивану Аршинскому.

Лишь осенью 1703 г. состоялось новое назначение: по решению стольника кн. Ф. Ю. Ромодановского, одобренному Петром I, командиром тобольских драгун стал «иноземец» Александр Линг²². Бывший подданный курфюрста Бранденбургского, он прибыл в Россию еще в 1695 г., поступив на военную службу и получив чин капитана в полку В. Лексина, расквартированном в Смоленске. Спустя два года Линг крепился в православную веру, после чего был переведен в Казань уже в чине майора, затем какое-то время исполнял обязанности командира полка стрельцов в Уфе. Наконец, уже в первые годы XVIII столетия он попал на сибирскую службу, став головой конных и пеших казаков Томска, однако не ужился со своими подчиненными, конфликтовал с томским воеводой Г. Петрово-Соловово, и в 1703 г. подал челобитную о назначении его «Тобольского уезду в слободах у драгун головою на полковника на Давыдово место Мейна»²³. При этом все остальные офицеры полка должны были сохранить свои чины и звания: «Да с ним быть у того полку прежним полуполковником и маеору и капитаном». Мера эта была не лишней, поскольку выбор Сибирского приказа оказался неудачным: спустя всего полтора года А. Линг, бросив службу, сбежал из

Тобольска. Попытка перехватить его силами местных служилых людей, отправленных в Уфу и в Казань, успехом не увенчалась, так что сибирские драгуны вновь оказались без командира. С августа 1705 г. полковыми делами временно ведали полуполковники Степан Текутьев и Леонтий Парфентьев²⁴.

Этот случай, видимо, подтолкнул к осознанию того, что необходимо изменить те принципы, которыми руководствовались ранее при решении вопроса о назначении командиров Сибирского драгунского полка. Отныне вместо присылаемых из Москвы «иноземцев» на эту должность стали назначать выходцев из местного служилого сословия. Первым из них стал уже упоминавшийся Иван Иванович Аршинский. Положительное решение по его кандидатуре было принято в декабре 1705 г.²⁵ Командирские полномочия и служебные обязанности И. Аршинского были расписаны в соответствующем наказе, полученном им при вступлении в должность²⁶. Никаких принципиальных изменений во внутренней структуре и боевых задачах полка, судя по тексту наказа, не произошло: драгуны по-прежнему дислоцировались отдельными ротами во главе со своими капитанами по острогам и слободам Тобольского уезда, граничившим со степью; при этом ротные командиры исполняли заодно обязанности приказчиков в отношении крестьянского населения вверенных им слобод: «Быть в тех слободах на приказах тем драгунским капитаном безпеременно, ведать им судом и всякою росправою драгун и крестьян туточних. Да с ними ж капитаны старост и лучших крестьян по 2 или по 3 человека, и им капитаном с теми старосты... всякую росправу меж драгун и крестьян чинить в правду»²⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась еще в 1698 г., когда бывшим сотникам беломестных казаков, ныне превратившимся в драгунских капитанов, было поручено собирать с крестьян деньги для первой выплаты годового жалования только что сформированному полку²⁸.

Уже к 1709 г. И. Аршинского сменил в должности командира полка Л. Парфентьев, сохранивший свои полномочия до середины 20-х гг. XVIII в. Этот период в истории сибирских драгун уже привлекал внимание исследователей, так что нет нужды останавливаться на нем скольконибудь подробно²⁹. Хотелось бы лишь обратить внимание на одну проблему, до сих пор, судя по всему, ускользавшую из поля зрения специалистов. В уже упоминавшемся справочнике М. Д. Рабиновича указано, что в 1711 г. из «служилых людей старых служб» Сибирской губернии был сформирован Сибирский гарнизонный драгунский полк³⁰. У читателя, не знакомого с предысторией вопроса, может создаться впечатление, что это было уже второе воинское соединение на территории Сибири. Однако здесь, вероятно, автор справочника просто допустил ошибку, поскольку никаких сведений о новых наборах в драгуны, необходимых для

формирования второго полка, в документах Сибирского приказа нет. Попробуем разобраться: что же послужило причиной такой ошибки?

Как правило, именно 1711 г. считается датой начала формирования гарнизонных войск в составе русской армии. Об этом упоминается в работах как русских военных историков начала XX в., так и советских исследователей³¹. Единодушны они и в том, что как раз на 1711 г. пришлось формирование двух гарнизонных драгунских полков. Однако при этом необходимо помнить, что эти полки формировались в Воронеже и в Казани³², а не в Сибири! А уже в 1720 г., что опять-таки единодушно признано исследователями, драгунских гарнизонных полков насчитывалось уже 4: Воронежский, Оренбургский, Сибирский и Астраханский³³. Почему в этом перечне фигурирует полк сибирских драгун? Да просто потому, что в 1711 г. ему, как уже существующему соединению, был официально придан статус гарнизонного полка, что и подтверждается материалами из архива Сената. Так, в общей ведомости армейских соединений, представленной в Сенат к концу 1711 г., фигурирует и Сибирский драгунский полк; при этом здесь указаны и особенности его положения. В частности, материальное снабжение и выплаты жалования полку входили в компетенцию Сибирского приказа, а высшей инстанцией для его командира показан непосредственно сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин³⁴. Это вполне соответствует тому, что уже отмечали русские военные историки в начале XX в., говоря о гарнизонных драгунских полках как о «состоявших в распоряжении местных губернаторов, – для кордонной и вообще местной службы»³⁵.

Таким образом, есть все основания утверждать, что Сибирский драгунский полк был не только первым из армейских соединений, дислоцированных на территории Сибири в правление Петра I, но и первым в составе гарнизонных войск русской армии начала XVIII столетия. Судя по всему, он оставался единственным подразделением петровской регулярной армии за Уралом вплоть до середины 1720-х гг. Как справедливо отмечал Г. Ф. Быконя, с введением в 1719–1722 гг. подушной подати на содержание регулярной армии все ее полки были распределены по губерниям страны. По расписанию Петра I в 1720 г. на Сибирскую губернию пришлось 3 гарнизонных пехотных полка (Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский³⁶) и один драгунский. Однако приказ отбыть в Сибирь на постоянные квартиры упомянутые солдатские полки получили лишь в 1724 г.³⁷ С учетом этой информации и следует скорректировать используемые в литературе данные о составе регулярной армии России в петровскую эпоху.

¹ Из обобщающих трудов см., напр.: *Военная история России*. М., 2001; *История русской армии*. М.; СПб., 2004; *Taylor B. D. Politics and the Russian Army: Civil-military Relations, 1689–2000*. Cambridge, 2003. См. также: *Лео-*

нов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995; *На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху Петра Великого*. СПб., 2002; *Волкова И. В.* Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // *Вопр. ист.* 2006. № 3. С. 35–51; и др.

² См. об этом: *Авдеев В. А.* Военно-исторические исследования в русской армии (Вторая половина XIX – начало XX в.) // *Воен.-ист. журн.* 1986. № 3. С. 81–84; *Беловинский Л. В.* Истории полков русской армии // Там же. 1988. № 12. С. 88–90; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. Очерки. М., 1958; *Он же.* Очерки военной историографии России. М., 1962; *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977.

³ *Рабинович М. Д.* Полки... С. 85. В качестве источника автор указывает: *Памятники сибирской истории XVIII в.* СПб., 1882. Кн. 1: 1700–1713 гг. № 71. С. 290.

⁴ См.: *Дмитриев А. В.* Первые армейские соединения на территории Сибири в эпоху военных реформ Петра I: История формирования Сибирского драгунского полка в конце XVII в. // *Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.* Бахрушинские чтения 2005 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 24–38.

⁵ *Рабинович М. Д.* Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // *Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в.* М., 1969. С. 229–232; *Бескровный Л. Г.* Русская армия... С. 42.

⁶ *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1231. Л. 50.*

⁷ *Там же. Оп. 3. Стб. 1312. Л. 303.*

⁸ *Там же. Л. 303–304.*

⁹ *РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1354. Л. 16.*

¹⁰ *Там же. Оп. 5. Д. 1231. Л. 50.*

¹¹ См.: *Там же. Л. 50 об. – 51.*

¹² Об этом см.: *Пузанов В. Д.* Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. VIII в.) // *Зауралье в панораме веков: Межвуз. сб. науч. тр.* Курган, 2000. С. 69–70.

¹³ См.: *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 140–141; *Загорский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 132–133.

¹⁴ *Пузанов В. Д.* Указ. соч. С. 62.

¹⁵ См. о нем: *Дмитриев А. В.* «Посланы с Москвы в Сибирь начальные люди для ученья...»: Офицерский корпус сибирских войск «нового строя» во второй половине XVII в. // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология.* Новосибирск, 2003. Т. 2. Вып. 2: История. С. 94, 96; *РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 2–11; Стб. 630. Л. 1–23; Стб. 820. Л. 132–145.*

¹⁶ *Рабинович М. Д.* Полки... С. 26.

¹⁷ *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 677. Л. 7.*

¹⁸ *Там же. Оп. 1. Кн. 1354. Л. 15 об.*

¹⁹ См.: *Памятники сибирской истории...* Кн. 1. № 35. С. 144–167.

²⁰ *РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1310. Л. 199 об.–200.*

²¹ Отписка тобольских воевод с известием о кончине полковника датирована 9 августа 1702 г. См.: *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 729. Л. 3.*

²² *Там же.* Л. 3 об.–4.

²³ Челобитная самого Линга, по-видимому, не сохранилась, однако упомянутые факты из его биографии приведены в тексте указа Петра I о его назначении, посланного в Тобольск 28 октября 1703 г. См.: *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5, д. 677. Л. 7–8.* О сибирской карьере Линга упоминал М. О. Акишин, см.: *Акишин М. О. Сибирские служилые люди как источник комплектования воевод в начале XVIII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 66–67.*

²⁴ *РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 729. Л. 5.*

²⁵ *Там же.* Л. 5 об.–6 об.

²⁶ Текст наказа опубликован, см.: *Памятники сибирской истории...* Кн. 1. № 71. С. 289–301.

²⁷ *Там же.* С. 292.

²⁸ «И те слободы ведать капитаном, а иных взятков з драгун и с крестьян не имать...» (*РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1354. Л. 16.*)

²⁹ См., напр.: *Гузанов В. Д.* Указ. соч. С. 67 и далее.

³⁰ *Рабинович М. Д.* Полки... С. 101.

³¹ *Столетие военного министерства. 1802–1902 гг.* СПб., 1902. Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Введение. С. 121; *Бескровный Л. Г.* Русская армия... С. 45.

³² *Столетие военного министерства...* Т. 4. Введение. С. 121.

³³ *Там же.* Приложения. С. 29; *Бескровный Л. Г.* Русская армия... С. 45.

³⁴ См.: *РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16, ч. 2.*

³⁵ *Столетие военного министерства...* Т. 4. Введение. Приложения. С. 29.

³⁶ *Рабинович М. Д.* Полки... С. 70, 72.

³⁷ *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985. С. 174.

Е. Р. Фендель

Начальный этап миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Сибири

Миссионерская деятельность – неотъемлемое свойство христианской церкви; исполнение заповеди, данной Иисусом Христом: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам» (Мф. 28, 19–20). В то же время церковь «есть общество ... в обществе, духовное в мирском – в государстве, и поелику государственная власть никогда не относится к церкви безразлично, предоставляя ее самой себе, но или покровительствует ей или

теснит ее и угнетает, то известные отношения государства к церкви, существенно влияющие на ее жизнь, составляют необходимый предмет речей всякой церковной истории»¹. При анализе миссионерства в Сибири необходимо учитывать оба эти фактора, обусловленных с одной стороны церковными интересами – несением проповеди о спасении, с другой стороны – государственными – проведением государственной политики по объединению и собиранию земель. Сами миссионеры считали, что «просветить сии народы, сидящие во тьме и тени смерти, верою во Иисуса Христа есть высокое назначение народа российского, и племена сии преданы ему Провидением для того, чтобы он предал им тот же дар Божий, который самому ему предан»².

Инициатором активной миссионерской деятельности в Сибири стал Петр I. Это был новый период в истории церкви, когда царская власть подчинила духовную, сначала фактически, когда после смерти патриарха Адриана в 1700 г. Петр решил «до времени обожждать» с избранием его преемника, а затем и юридически, с учреждением в 1721 г. Святейшего Синода. Последний непосредственно подчинялся царю, который отныне становился «крайним Судией Духовной сей Коллегии». Деятельность церкви оказалась под контролем светской власти. Финансово-хозяйственные вопросы были переданы в руки государства³. В 1702 г. Петр I отдал указ киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому «поискать в малороссийских городах и монастырях человека не только доброго и благого жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог, Божию помощью исподволь, в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения закоснелых человек приводить в познание истинного Бога»⁴.

В 1702 г. в митрополиты Сибирские и Тобольские был поставлен хиротонисан Филофей Лещинский (1650–1727), наместник Брянского Свенского монастыря, который управлял Сибирской епархией до 1721 г. с перерывом в 1709–1716 гг. (в 1709 г. митрополит принял схиму с именем Феодора, в 1716 г. вернулся на кафедру после смерти митрополита Иоанна). Митрополит Сибирский Филофей фактически стал апостолом Сибири, крестив до сорока тысяч сибирских «иноверцев»⁵. Первую миссионерскую поездку митрополит совершил в 1704 г. в Березов. Затем последовала экспедиция в 1707 г., с 1712 по 1718 г. такие поездки по Сибири были ежегодными. В 1721 г. по просьбе схимонаха Феодора, которую он обосновал своей старостью и немощью, был назначен новый сибирский митрополит – Антоний. Однако, как можно предположить по документам, попечением своей новокрещеной паствы он занимался до самой смерти⁶. В доношении митрополита Антония в Синод от 1727 г. говорится, что после преставления прежде бывшего митрополита, новокрещенные «иноверцы» остались без попечения: «теперь некому новокрещенных для утверждения в православии посещать, за неимуществом